

— Скульптура, то появлялась, то исчезала, особенно в России. Что сейчас?

— Ничего. Раньше развитию скульптуры у нас мешали идеологические препоны теперь финансовые...

Лучше всего продаются пластические миниатюры на эротические сюжеты. Тут есть мастера своего дела, которые и лепят хорошо. Да, глубины, конечно, нет. Теперь надо думать о том, кто купит. Многие делают заведомо «продажные» вещи. Есть и посредники, которые ищут покупателя. У меня так не получается. Живу пока жив, как сложится, так и будет. У меня покупают эпизодически, своего круга заказчиков нет. Моя скульптура не подходит для богатого интерьера, а мне не интересно делать салонную работу, гладкую и полдрованную. А так покупают за дешево, будь то «Реджина» или какой-нибудь немецкий коллекционер.

— Материалы?

— В 70-х работал, из-за отсутствия мастерской, в малых формах. Работал преимущественно в камне, в котором я лучше чувствую форму, чем в лепке. Потом начал работать в дереве. Сейчас сделал литейку, перешел к бронзе. Отливаю модели по три-пять вещей. А куда девать остальные, если сделать больше?..

— Занимается ли молодежь скульптурой?

— Да, и очень активно. Есть одаренные люди, хотя и они вынуждены делать «продажные» вещи. Самому приходилось курировать молодежь, затем, честно говоря, устал.

— Как Вы сами оценили выставку ваших работ вместе с картинами Натальи Нестеровой в галерее «Арт-модерн»?



ФОТО В. КРАСНОПЕРОВА

Художник Лазарь Гадаев на выставке в ЦДХ

ЛИЦА **Лазарь Гадаев: я и смотрю на мир, и работаю**

— Лишний раз посмотрел на себя со стороны. Был не очень в восторге. Ну, а материальной прибыли никакой. Ничего не было продано. Все чаще задаюсь мыслью, что делать? С большой симпатией вспоминаю выставку 1974 года, когда показывал работы вместе с живописью Нестеровой, Мещеряковой и Страженецкой на улице Вавилова. Потом в 1980 году вместе с Нестеровой. Возможно, эта экспозиция была для меня самой удачной.

— Художественное образование в области лепки и валяния?

— Живого ничего нет. В художественных институтах известных имен не найти. При нашей учебе стоило бы вспомнить Маннзера, Томского. Правда, из-за непокорного характера у меня в Институте было много конфликтов, даже двой-

ки получал. Защищали меня Маннзер и Жилинский. Я штриховал по вертикали, а не мелкими штришками, как все на занятиях рисунком. Стал ходить слух о каком-то «вертикализме». Маннзер ко мне неплохо относился, что-то видел. Сказал даже: «Маннзер — единственный скульптор, который знает, что он делает».

— Профессиональные контакты?

— Дружим с Э. Юдиным, Л. Барановым, А. Диллсдорфом... А так много друзей; интересно же с людьми общаться.

— Какие события Вас лично потрясли?

— Когда в 1973 году потерял брата, то это было большое потрясение. А хоропес: уже упоминал — выставка 1974 года... Сейчас много думаю, чтобы форму строить все

строже и строже, все крепче и крепче. Что-то хочется немножечко поменять в своем творчестве. А так работаю каждый день; что же еще делать? 1986 год — радостный, много, много работал. Нравилось.

— Вы много путешествуете?

— Да, так получается. Я видел много музеев. Нельзя сказать, что я стараюсь увидеть в других мастерах что-то, что мне может пригодиться. Жизненные впечатления для меня дороже. Но, как и каждый, умею же я право полюбоваться шедеврами... Роден, Джакометти... Замки и соборы... Есть люди, которые хотят все знать и видеть, есть такие, которые живут и работают уединенно. Я, очевидно, нечто среднее между ними. И смотрю на мир, и работаю...

— Желаю удачи!

Беседу вел Валерий Турчин